

1/1-88

Условиться о встрече с народным артистом СССР Юрием Владимировичем Никулиным было непросто. Весь день директора строящегося цирка на Цветном бульваре расписан по минутам с раннего утра и до позднего вечера.

«Может быть, увидимся после праздников?» — предложил он по телефону, услышав о моей просьбе. Но узнав, что материал готовится для Первомайского номера, все-таки выкроил час для беседы.

— Вашу газету хорошо знаю, — сказал Юрий Владимирович после приветствия. — Она мне нравится. Даже выписываем дома «Ленинское знамя». И мне приятно, что смогу обратиться к читателям именно в ее праздничном выпуске.

Первомай — с детства любимый праздник. И не только потому, что я, как и все мальчишки, любил парады и демонстрации.

В один из первомайских праздников я впервые в жизни катался на легковой машине, смотрел иллюминацию. Дядя усадил меня в такси, и мы помчались по улицам украшенной Москвы. Казалось, что счастливее меня нет никого на свете...

— В мае еще один прекрасный праздник. Вам, фронтовику, День Победы особенно дорог.

— Семь лет я служил в армии, участвовал в двух войнах. С боевыми товарищами переписываюсь, перезваниваюсь. А де-



С ЦИРКОМ ПО ЖИЗНИ...

вятого мая мы собираемся вместе.

К сожалению, многих уже нет. Время-то летит быстро. Но вот что приятно. На последнюю встречу пришел сын нашего фронтового товарища. Решил после отца поддержать традицию.

— Что вам дала служба в армии, изменила ли вас?

— Когда вернулся домой, многие, встретив меня, ужасались: как же это я семь лучших лет потерял! А почему потерял? Я их не могу вычеркнуть. Ведь мы защищали Родину.

Армия, фронт научили разбираться в людях. Это отличная школа жизни. Все человеческие качества, которые в обычное время люди могут маскировать, там сразу проявляются. Ведь отдельно не живешь — все на виду.

В блокадном Ленинграде, когда приходилось делиться с товарищами крохотным сухарем, мы узнавали, что такое настоящая дружба. И в будущем мне это помогло. Я точнее определял, кто есть кто, даже если человек очень старался мне понравиться.

— Вам приходится много работать с молодежью. Сильно ли отличаются молодые люди вашего поколения и сегодняшние?

— Кое-что меня огорчает. Помню, когда призвиком проходил медицинскую комиссию, для меня был вопрос жизни — попасть в армию. А сегодня нередко бывает по-другому. Звонит мне как-то знакомый и с радостью сообщает, что сына освободили от службы. У него там что-то с печенью...

Я не сомневаюсь, что сегодня молодые люди так же патриотичны, как и мы. Но хочется, чтобы эта патриотичность была более конкретна. Конечно, тяжело служить в армии. Но что делать — надо!

— Юрий Владимирович, в чем, по-вашему, острее всего чувствуется перестройка?

— На днях была встреча со студентами. Три часа буквально отбивался от вопросов. Взял кипу записок домой. Мои сидели, читали и удивлялись. По-моему, перестройка — это когда каждый работает на совесть, меняет свое отношение к жизни, к своему делу. И главные признаки перестройки — гласность.

Удивительно, как народ хочет открыто говорить правду. Ощущаю это особенно остро на встречах с людьми, отвечаю на вопросы. Все мы истосковались по откровенному разговору, по гласности.

— Часто слышишь такое мнение: а не перегибаем ли мы палку? Не слишком ли много говорим о негативных явлениях?

— Скажу о прессе. Она часто и конкретно выступает. Открыто говорит о наших промахах, недостатках.

К сожалению, даже конкретные, адресные выступления печати нередко остаются без ответа. Вспоминается такой случай. Недавно у меня гостил приехавший в Москву фронтовой друг Алеша Шуткин. Спустя месяц после одной острой публикации он спросил: «Ну что, Юра, уволили того человека?». И очень удивился, когда я ответил, что ничего не изменилось. Тому, кого критиковали, что с гуся вода...

И тогда Алеша Шуткин, мне очень понравилось это выражение, сказал: «Слушай, а может, пора трясти редиску?».

Знаете, как редиску отряхивают от грязи? Многие умышленно тормозится противниками перестройки, уходит без следа, как вода в песок. Я очень переживаю. Иногда прочту какую-нибудь публикацию о правонарушениях в министерствах, милиции, например, и думаю — поможет ли статья? Не сделают ли вид, будто ничего не произошло?

Ну, а чтобы отвлечь читателей от тяжелых дум и проблем, вспомню такую шутку. Первым перестраиваться стал наш цирк, и на будущий год — год семидесятилетия — мы распахнем двери для гостей! Работы по строительству идут хорошо. Думаю, у нас будет отличный цирк.

— Возвращаясь к гласности. У вас не было раньше проблем с программой, какими-либо репризами?

— В цирке сложностей не было. Я так давно работал клоуном, что знал заранее, что можно, а что нельзя.

А вот когда писал книгу, начались трудности. Очень жалко, потому что пришлось кое-что из нее убрать. Сегодня это только бы украсило книгу.

— Что, например?

— Рассказывать об этом не хочу. Весь материал надеюсь опубликовать полностью. Я не прекращаю вести «тетрадку в клеточку», куда записываю интересные события, забавные случаи, анекдоты.

— Вы много снимались в кино. Довольны ли вы сами работами? Можете ли сказать, что реализовали свои возможности?

— «Синей птицы» у меня в кино не было. Думаю, что я себя не реализовал. Но удовлетворение от работы получаю.

На днях вернулся из Финляндии. Вспоминается такая история. Как-то вечером, проходя по холлу гостиницы, увидел, что по финскому телевидению передают «Кавказскую пленницу». Приятно было наблюдать, как в чужой стране люди с удовольствием смотрят наш фильм, искренне переживают, смеются.

— Вы ни разу не играли в кино злодеев. Это случайность или ваша сознательная позиция?

— Мне повезло, у меня всегда была основная и любимая работа в цирке. Ему я отдаю все свои силы. В кино же снимаюсь попутно. И там, где хочется.

Одна знакомая актриса, талантливый и умный человек, снялась в очень слабом фильме. Я спросил, зачем она это сделала? «Но ведь я должна на что-то жить», — вздохнула она в ответ.

Мне часто предлагали играть роли шпионов, диверсантов, убийц. И я сознательно отклонял предложения режиссеров. Наверное, еще и потому, что помню, как в детстве мы не любили кинозлодеев. Мальчишки кидали камнями в актера, который играл отрицательного героя в фильме «Ленин в Октябре».

— Вы отдали цирку уже около четырех десятков лет. Готовили вы себя к уходу с арены?

— Это было очень тяжело — расстаться с работой на манеже. Очень грустно. Но я считаю, что цирк — искусство молодых. Ушел сразу, как исполнилось шестьдесят лет.

Помогла работа. Сразу стал главным режиссером. А теперь — директором строящегося цирка. Правда, много приходится заниматься хозяйственными вопросами. Иногда шучу, представляясь людям: прораб Никулин...

— Последний вопрос, Юрий Владимирович, что вам помогает в тяжелую минуту?

— Для меня главной поддержкой всегда были родные люди. В молодости — родители. Когда они ушли, самым близким человеком стала жена. Я обращаюсь к ней за помощью. И знаю, что она найдет доброе слово, даст хороший совет.

Это счастье, когда у вас есть близкие люди. Нужно всегда, каждый день, а не только в праздники стараться делать их жизнь радостной и счастливой.

А читателям «Ленинского знамени» от всего сердца желаю больших успехов.
Записал Н. МОДЕСТОВ,
наш корр.

